

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-127-132

Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

АЛИЕВА Фатима Багаутдиновна,
магистрант 3 курса Юридического института ФГБОУ ВО
«Дагестанский государственный университет», г. Махачкала,
Российская Федерация,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
РАДЖАБОВ Шамиль Раджабович,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий
кафедрой уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО
«Дагестанский государственный университет», г. Махачкала,
Российская Федерация,
e-mail: mail@law-books.ru

**СООТНОШЕНИЕ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА:
ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО И КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО
ПОДХОДОВ**

Аннотация. В статье рассматривается одна из дискуссионных проблем отечественной уголовно-правовой доктрины — соотношение категорий «субъект преступления» и «личность преступника». Автор анализирует причины отождествления указанных понятий в правоприменительной практике, исследует доктринальные позиции ведущих ученых-криминалистов, выявляет негативные последствия смешения уголовно-правового и криминологического подходов при квалификации преступлений и назначении наказания. Обосновывается необходимость четкого разграничения данных категорий с учетом их различной функциональной нагрузки: субъект преступления как элемент состава преступления и условие уголовной ответственности, личность преступника как криминологическая характеристика, значимая для индивидуализации наказания. Предлагаются конкретные пути решения выявленной проблемы, включая совершенствование законодательной техники и правоприменительной практики.

Ключевые слова: субъект преступления, личность преступника, состав преступления, уголовная ответственность, квалификация преступлений, индивидуализация наказания, криминологическая характеристика, уголовно-правовая доктрина.

ALIEVA Fatima Bagautdinovna,
3rd year Master's student, Law Institute, Dagestan State University,
Makhachkala, Russian Federation

Scientific supervisor:
RADZHABOV Shamil Radzhabovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the
Department of Criminal Law and Criminology, Dagestan State
University, Makhachkala, Russian Federation

**THE RELATIONSHIP BETWEEN THE SUBJECT OF A CRIME AND THE PERSONALITY
OF THE OFFENDER: THE PROBLEM OF DISTINGUISHING CRIMINAL
LAW AND CRIMINOLOGICAL APPROACHES**

Annotation. The article examines one of the debatable problems of the Russian criminal law doctrine — the relationship between the categories "subject of a crime" and "personality of the offender". The author analyzes the reasons for the identification of these concepts in law enforcement practice, examines the doctrinal positions of leading criminal law scholars, and identifies the negative consequences of mixing criminal law and criminological approaches in the qualification of crimes and sentencing. The necessity of a clear distinction between these categories is substantiated, taking into account their different functional loads: the subject of a crime as an element of the corpus delicti and a condition of criminal liability, the personality of the offender as a criminological characteristic

✂ relevant for the individualization of punishment. Specific ways of solving the identified problem are proposed, including the improvement of legislative technique and law enforcement practice.

✂ **Key words:** subject of a crime, personality of the offender, corpus delicti, criminal liability, qualification of crimes, individualization of punishment, criminological characteristic, criminal law doctrine.

Одной из фундаментальных и одновременно наиболее дискуссионных проблем отечественной уголовно-правовой науки является вопрос о соотношении категорий «субъект преступления» и «личность преступника». Несмотря на длительную историю разработки данной проблематики в трудах таких ученых, как А.Н. Трайнин, Н.С. Лейкина, В.Н. Кудрявцев, А.В. Варданян и других, в доктрине до настоящего времени отсутствует единый подход к пониманию характера взаимосвязи указанных понятий. Как справедливо отмечает А.В. Варданян, такие категории, как субъект преступления, личность преступника, личность лица, совершившего преступление, являются «смежными по значению, но не тождественными юридическими категориями» [1, с. 244]. Существование данных междисциплинарных терминов выступает олицетворением тенденции к интеграции и дифференциации наук, проявляющейся в ассимиляции ряда достижений из смежных областей знаний [1, с. 248].

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в правоприменительной практике нередко наблюдается смешение уголовно-правового и криминологического подходов к оценке лица, совершившего преступление. Такое смешение порождает ошибки при квалификации преступлений, необоснованное расширение перечня обстоятельств, учитываемых при назначении наказания, и, как следствие, нарушение принципов законности и справедливости уголовного закона. Кроме того, в условиях современной уголовной политики, ориентированной на дифференциацию ответственности и индивидуализацию наказания, проблема точного определения функциональной нагрузки каждой из рассматриваемых категорий приобретает особую теоретическую и практическую значимость.

Проведенный анализ доктринальных источников позволяет выделить несколько подходов к пониманию соотношения рассматриваемых категорий.

Согласно первому подходу, субъект преступления и личность преступника рассматриваются как тождественные понятия. Сторонники данной позиции исходят из того, что и субъект преступления, и личность преступника характеризуют одно и то же лицо — человека, совершившего общественно опасное деяние. Однако такая позиция не учитывает принципиально различную функциональную нагрузку указанных категорий. Субъект преступления — это юридическая

конструкция, абстрактная модель, наделенная строго определенными законом признаками. Личность преступника — это реальный человек во всем многообразии его социальных, психологических, биологических характеристик. Как отмечал А.Н. Трайнин, субъект преступления есть одно из необходимых условий состава преступления, и в этом качестве он не может быть отождествлен с личностью в ее криминологическом понимании [7, с. 15].

Второй подход основан на признании того, что субъект преступления — это уголовно-правовая категория, а личность преступника — криминологическое понятие. Согласно данной позиции, если личность преступника представляет собой понятие биолого-социальное и социально-психологическое, то субъект преступления является понятием сугубо уголовно-правовым [4, с. 15]. Субъект преступления характеризуется типовыми признаками (физическое лицо, возраст, вменяемость) и образует элемент основания уголовной ответственности, тогда как личность преступника раскрывает содержательный портрет человека, совершившего преступление. Как отмечается в доктрине, в понятии «личность преступника» выражается социальная сущность лица, индивидуальные характеристики, отражающие его нравственный и духовный мир, в то время как признаки субъекта преступления отражают лишь необходимые для привлечения лица к уголовной ответственности типовые признаки, имеющие значение для уголовно-правовой квалификации и дифференциации уголовной ответственности [4, с. 18–20].

Третий подход, наиболее распространенный в современной доктрине, состоит в признании того, что субъект преступления и личность преступника — понятия нетождественные, но взаимосвязанные. Как отмечается в научной литературе, «нельзя сводить указанные понятия друг к другу: субъект преступления служит "допуском" к вопросу о вине и наказании, а личность преступника раскрывает содержательный портрет человека, систематически или эпизодически вступающего в конфликт с уголовным законом» [5]. Данный подход представляется наиболее обоснованным, поскольку позволяет, с одной стороны, сохранить самостоятельное научное и практическое значение каждой из категорий, а с другой — учесть их диалектическую взаимосвязь. При этом диалектика взаимосвязи проявляется в том, что субъект преступления — это юридическая

предпосылка, без которой невозможна сама постановка вопроса о личности преступника в уголовно-правовом смысле [6].

Проблема соотношения субъекта преступления и личности преступника имеет глубокие исторические корни. Как показывает В.Е. Антропова, историческое развитие категории субъекта преступления в отечественном уголовном праве отражает изменение представлений о личной ответственности, роли личности преступника и постепенное укрепление принципа личной виновной ответственности [2, с. 71–73]. В дореволюционный период субъект преступления рассматривался преимущественно через призму оценочных категорий, тогда как советская уголовно-правовая доктрина выработала научно обоснованные критерии вменяемости и возрастной ответственности [2, с. 72]. Примечательно, что в дореволюционном уголовном праве понятие «субъект преступления» нередко отождествлялось с понятием «преступник», что отражало недостаточную разработанность учения о составе преступления.

Показательна в этом контексте позиция Н.С. Лейкиной, которая отмечала, что включение вменяемости и возраста в число основных признаков субъекта преступления не превращает преступника в элемент совершенного им преступного деяния. Субъект преступления — это юридическая конструкция, абстрактная модель, наделенная строго определенными законом признаками. Личность преступника — это реальный человек во всем многообразии его социальных, психологических, биологических характеристик [4, с. 26]. Более того, Н.С. Лейкина подчеркивала, что личность преступника не может быть сведена к простой совокупности ее свойств и качеств, поскольку она представляет собой систему, обладающую определенной внутренней структурой и динамикой.

А.Н. Трайнин, разрабатывая учение о составе преступления, рассматривал субъект преступления как один из обязательных элементов состава, подчеркивая его сугубо юридический характер [7, с. 15–18]. В отличие от субъекта преступления, личность преступника, по мнению ученого, выходит за рамки состава преступления и относится к сфере криминологического познания. Этот вывод имеет принципиальное значение, поскольку он позволяет четко разграничить предметы уголовно-правового и криминологического исследования.

В.Н. Кудрявцев, исследуя проблемы квалификации преступлений, обращал внимание на недопустимость подмены юридических признаков субъекта преступления криминологическими характеристиками личности [8, с. 57–60]. Квалификация преступления должна основываться ис-

ключительно на признаках состава преступления, к числу которых относится и субъект, тогда как данные о личности виновного учитываются на стадии назначения наказания. Ученый подчеркивал, что смешение этих уровней правовой оценки неизбежно ведет к ошибкам в применении уголовного закона.

А.В. Варданян развивает данную проблематику в контексте междисциплинарного подхода, отмечая, что в отличие от уголовного права и криминологии, в криминалистике данные термины, несмотря на свою широкую и разностороннюю научную и практическую востребованность, нередко трактуются и употребляются как сосуществующие [1, с. 249]. Автор отстаивает мнение о том, что использование в криминалистике при обозначении целого ряда явлений изначально уголовно-правового понятия «субъект преступления» в целом приемлемо, так как лицо, совершившее преступление, механизм которого анализируется с точки зрения криминалистики, в любом случае должно обладать качествами уголовно-правовой правосубъектности [1, с. 250]. Вместе с тем ученый предостерегает от механического переноса уголовно-правовых категорий в криминологию без учета специфики предмета последней.

Ю.Д. Налимов на примере состава вандализма (ст. 214 УК РФ) показывает, что исследуемые понятия имеют непосредственное отношение к лицу, совершившему общественно опасное деяние, но в то же время не подлежат отождествлению [3, с. 46]. Автор подчеркивает, что признаки субъекта преступления имеют значение для квалификации, тогда как свойства личности преступника — для индивидуализации наказания. Данный вывод подтверждается и материалами судебной практики: суды при квалификации деяния по ст. 214 УК РФ исходят исключительно из признаков субъекта (возраст, вменяемость), тогда как данные о личности виновного (например, склонность к агрессивному поведению, наличие судимости) учитываются при назначении наказания.

Заслуживает внимания и позиция Ю.М. Антоняна, который рассматривает личность преступника как совокупность социально значимых свойств, сформировавшихся в процессе социализации и детерминирующих преступное поведение [10, с. 22]. Ученый подчеркивает, что личность преступника — это не просто человек, совершивший преступление, а специфическая социально-психологическая система, требующая самостоятельного криминологического изучения.

Проведенное исследование позволяет выявить ключевую проблему: в правоприменительной практике нередко происходит подмена уголовно-правовой характеристики лица, совершившего преступление, его криминологической характеристикой. Это проявляется, в частности, в

том, что при квалификации преступлений суды и органы предварительного расследования учитывают данные о личности обвиняемого, которые не входят в состав признаков субъекта преступления, предусмотренных ст. 19, 20 УК РФ. Например, при квалификации убийства (ст. 105 УК РФ) данные о предшествующем поведении виновного, его образе жизни, семейном положении не должны учитываться для установления признаков субъекта, однако на практике они нередко упоминаются в обвинительных заключениях и приговорах в контексте квалификации.

Согласно ч. 3 ст. 60 УК РФ, при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Как разъясняется в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», к сведениям о личности, которые подлежат учету при назначении наказания, относятся характеризующие виновного сведения, которыми располагает суд при вынесении приговора. К таковым могут, в частности, относиться данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц [9, с. 5].

Однако нередко в процессуальных документах не проводится четкого различия между признаками субъекта преступления и свойствами личности обвиняемого, что создает иллюзию их тождественности. Это приводит к тому, что при квалификации деяния учитываются обстоятельства, не имеющие уголовно-правового значения для данной квалификации.

Негативные последствия такого смешения многообразны. Во-первых, это приводит к необоснованному расширению перечня обстоятельств, учитываемых при квалификации, что противоречит принципу законности. Во-вторых, создает предпосылки для назначения несправедливого наказания, поскольку криминологическая характеристика личности подменяет юридически значимые признаки субъекта. В-третьих, затрудняет научно обоснованную дифференциацию уголовной ответственности. В-четвертых, порождает процессуальные нарушения, поскольку влечет необходимость установления обстоятельств, не входящих в предмет доказывания по уголовному делу. В-пятых, снижает эффективность профилактической деятельности, поскольку внимание правоприменителя смещается с юридически значимых признаков субъекта на криминологические

характеристики, которые не всегда имеют значение для предупреждения конкретного преступления.

Причины отождествления рассматриваемых категорий имеют как теоретические, так и практические основания. Теоретическая причина кроется в недостаточной разработанности методологических основ разграничения уголовно-правовых и криминологических категорий. Практическая причина связана с тем, что в процессуальных документах зачастую не проводится четкого различия между признаками субъекта преступления и свойствами личности обвиняемого, что создает иллюзию их тождественности. Дополнительной причиной является и отсутствие единых методологических рекомендаций для следователей и судей по разграничению указанных категорий в процессе квалификации преступлений и назначения наказания.

Для преодоления выявленной проблемы представляется необходимым предложить следующие меры.

На доктринальном уровне — дальнейшая разработка теоретико-методологических основ разграничения уголовно-правовых и криминологических категорий. Целесообразно четко определить функциональную нагрузку каждой из рассматриваемых категорий: субъект преступления отвечает на вопрос о том, кто может нести уголовную ответственность; личность преступника — на вопрос о том, каковы причины и условия преступного поведения и какие меры воздействия являются наиболее эффективными. Как отмечается в научной литературе, «успешное предупреждение преступлений возможно в том случае, если внимание будет сконцентрировано на личности преступника, поскольку именно личность является носителем причин их совершения» [10, с. 45]. Однако это не означает, что криминологические характеристики личности должны подменять юридические признаки субъекта.

На законодательном уровне — совершенствование законодательной техники в части разграничения признаков субъекта преступления и обстоятельств, характеризующих личность виновного. В частности, в ст. 19 УК РФ, определяющей общие условия уголовной ответственности, целесообразно указать исчерпывающий перечень признаков субъекта преступления, не подлежащий расширительному толкованию. Это позволит исключить практику подмены юридических признаков субъекта криминологическими характеристиками личности. Кроме того, представляется возможным дополнить ст. 60 УК РФ указанием на необходимость разграничения обстоятельств, характеризующих субъекта преступления и личность виновного, при назначении наказания.

На правоприменительном уровне — формирование единообразной практики, при которой при квалификации преступления учитываются исключительно признаки субъекта, предусмотренные уголовным законом, а данные о личности преступника используются исключительно на стадии назначения наказания. Для этого целесообразно подготовить соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, а также методические рекомендации для следственных органов.

На образовательном уровне — акцентирование внимания в учебных курсах уголовного права и криминологии на принципиальном различии уголовно-правового и криминологического подходов к оценке лица, совершившего преступление. Это позволит сформировать у будущих юристов правильное понимание функциональной нагрузки каждой из рассматриваемых категорий.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Субъект преступления и личность преступника — категории нетождественные. Субъект преступления является уголовно-правовой категорией, представляющей собой элемент состава преступления и условие уголовной ответственности, характеризуемой строго определенными законом признаками (физическое лицо, возраст, вменяемость). Личность преступника — категория криминологическая, представляющая собой совокупность социально значимых свойств, связей и отношений, характеризующих лицо, совершившее преступление.

Смешение указанных категорий в правоприменительной практике имеет негативные последствия, выражающиеся в ошибках квалификации, необоснованном расширении перечня учитываемых обстоятельств и нарушении принципов законности и справедливости. Преодоление выявленной проблемы требует комплексного подхода, включающего меры доктринального, законодательного, правоприменительного и образовательного характера. Только четкое разграничение уголовно-правового и криминологического подходов к оценке лица, совершившего преступление, способно обеспечить законность и справедливость уголовного закона. При этом разграничение не означает противопоставления: субъект преступления и личность преступника находятся в диалектической взаимосвязи, поскольку первый является юридической предпосылкой для постановки вопроса о втором в рамках уголовно-правового и криминологического исследования.

Список литературы:

[1] Варданян А.В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции // Криминологический

журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2016. — Т. 10, № 2. — С. 244–251.

[2] Антропова В.Е. Эволюция понятия субъекта преступления и формирование личности преступника в отечественном уголовном праве // Молодой ученый. — 2025. — № 12 (563). — С. 71–73.

[3] Налимов Ю.Д. Соотношение признаков субъекта преступления и личности преступника, совершившего вандализм // Криминологический журнал. — 2022. — № 1. — С. 46–49.

[4] Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. — 128 с.

[5] Ключко Д.С. Соотношение понятий «субъект преступления» и «личность преступника» // Электронная библиотека БГУ. — URL: <https://elib.bsu.by> (дата обращения: 10.10.2026).

[6] Соотношение субъекта преступления и личности преступника // Studwood. — URL: <https://studwood.net> (дата обращения: 10.10.2026).

[7] Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. — М.: Госюриздат, 1957. — 363 с.

[8] Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2001. — 304 с.

[9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2016. — № 2.

[10] Антонян Ю.М. Личность преступника. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. — 366 с.

References:

[1] Vardanyan A.V. The subject of the crime and the identity of the offender as interdisciplinary categories of criminal law sciences: issues of correlation and integration // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. — 2016. - T. 10, NO. 2. - S. 244-251.

[2] Antropova V.E. Evolution of the concept of the subject of a crime and the formation of the personality of a criminal in domestic criminal law // Young scientist. — 2025. — № 12 (563). - S. 71-73.

[3] Nalimov Yu. D. Correlation of the signs of the subject of the crime and the identity of the perpetrator of the vandalism // Criminological Journal. — 2022. — № 1. - S. 46-49.

[4] Leikina N.S. Criminal identity and criminal liability. - L.: Publishing House of Leningrad State University, 1968. - 128 s.

[5] Klyuchko D.S. Correlation of the concepts of "subject of crime" and "identity of the criminal" // BSU Electronic Library. - URL: <https://elib.bsu.by> (access date: 10.10.2026).

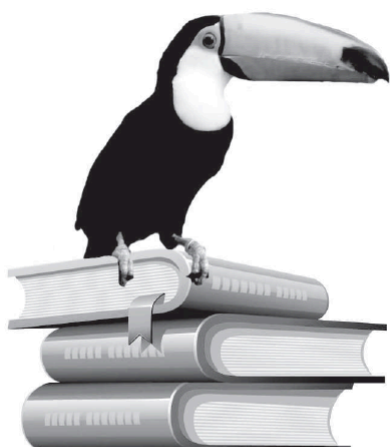
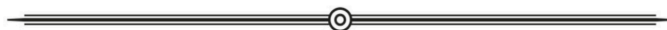
[6] The ratio of the subject of the crime and the identity of the offender // Studwood. - URL: <https://studwood.net> (access date: 10.10.2026).

[7] Trainin A.N. General doctrine of corpus delicti. - M.: Gosyurizdat, 1957. - 363 s.

[8] Kudryavtsev V.N. General theory of crime qualification. - 2nd ed., Revised and add. - M.: Lawyer, 2001. - 304 s.

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 22, 2015 No. 58 "On the practice of imposing criminal penalties by the courts of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2016. — № 2.

[10] Antonyan Y.M. Identity of the criminal. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2004. - 366 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.